

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

Я. Б. РАДУЛЬ-ЗАТУЛОВСКИЙ

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НАКАЭ ТЁМИН 中江兆民

Виднейшим представителем философской мысли, резко расходившейся с официальной японской государственной философией, во второй половине XIX и в самом начале XX вв. является Накаэ Тёмин (настоящее имя — Токусукэ 篤介).

Накаэ Тёмин происходит из разорившейся и обедневшей семьи военных. Он родился в княжестве Коти в 1847 г. Таким образом, в 1947 г. исполнилось сто лет со дня рождения этого выдающегося человека. О детстве и раннем воспитании Накаэ нам известно очень мало. Некоторые японские историки считают Окумия Дзёдзай 奥宮存齋 (1811—1878) первым учителем и влиятельным наставником юного Накаэ. Шестнадцати—семнадцати лет Накаэ интересовался школой известного Сатō Иссай (1772—1826)—теоретика и поборника японской школы субъективно-идеалистической философии Ван Ян-мина — „Оёмэй-гакуха“ 王陽明學派. Окумия Дзёдзай философствующий скептик и вольнодумец. Он заимствовал у сторонников учения Сато дух оппозиции к неоконфуцианской схоластике. Накаэ привлекали рассуждения Окумия, в которых он высказывает свои сомнения в „правильности учения Чжу Си“. Окумия считает буддизм, даосизм и конфуцианство, проповедуемые традиционной литературой, „препятствием для утверждения здравого смысла в поднебесной“. Семнадцатилетним юношей Накаэ ближе познакомился с этими взглядами Окумия Дзёдзай и они несомненно оказывали влияние на развитие его умонастроения в то время.

Накаэ преуспевал в изучении китайских классических книг, и во дворце влиятельного князя о нем отзывались как о молодом многообещающем ученом. Неизвестно, из каких источников осведомился юный Накаэ насчет паломничества многих японцев, стремившихся к знанию, в провинцию Бунго, где они, вопреки строжайшим запретам, знакомились с европейскими книгами. Накаэ еще не было девятнадцати лет, когда он был послан от княжества Коти учиться в Нагасаки. Изучение французского языка поглощало здесь все время настойчивого, но весьма застенчивого провинциала. В Нагасаки же Накаэ впервые познакомился с европейскими книгами. Это были большей частью голландские книги. Накаэ получал объяснение их на французском языке. Скоро юноше представился случай переехать в Эдо (Токио). Он продолжал здесь изучать французский язык. Круг его интересов расширялся с каждым днем. Накаэ составил

себе на скромные сбережения маленькую библиотеку. Эта библиотека сыграла большую роль в определении судьбы всей дальнейшей жизни философа. Прочитав в своих книгах о состоянии науки в Европе и о деятельности университетов, Накаэ проникся страстным желанием во что бы то ни стало отправиться за границу. Он вынужден был несколько раз отказаться от попыток бежать во Францию. Накаэ были хорошо известны последствия подобных попыток, раскрытых соглядатаями.

Между тем, в 1872 г. Накаэ узнал, что правительство отправляет специальное посольство в Европу и Америку во главе с Ивакура Томоми для переговоров по поводу пересмотра неравноправных договоров. Правительство назначило также известного государственного деятеля Ито Хиробуми для сопровождения этого ответственного посольства. Ито слыл за европейски образованного человека. Еще в 1863 г. Ито вместе с Иноуэ Каору, рискуя жизнью, нарушил токугавские запрещения и под видом матроса отправился в Англию учиться. У Накаэ возникла мысль обратиться к Ито с просьбой о содействии его отъезду во Францию. Но как было встретиться со столь высокопоставленным лицом? Накаэ был очень беден и незнатен. Получить аудиенцию у именитого вельможи не было надежды. Подать прошение установленным путем и ждать результатов также не было смысла, тем более, что срок отъезда посольства уже наступал. Тогда Накаэ прибег к рискованной хитрости. Он посвятил одного из лакеев, сопровождавших карету Ито, в свои сокровенные планы и на каких-то необычайных условиях сумел уговорить его уступить свою одежду и место позади кареты для того, чтобы иметь возможность увидеть вице-министра. Когда карета въехала во двор, Накаэ упал ниц перед изумленным высокопоставленным сановником. Он начал громко и быстро излагать мотивы своего дерзкого поступка. Эта „аудиенция“ у Ито Хиробуми закончилась неожиданным результатом: Накаэ оказался в числе лиц, сопровождавших посольство Ивакура.

Он прибыл вместе с посольством во Францию. На улицах Парижа еще совсем недавно пролилась кровь героических коммунаров. Еще продолжался террор версальцев над сочувствующими делу Коммуны. Среди последних было немало студентов, с которыми Накаэ встречался в Сорбонне. Накаэ Тёмин остался во Франции. С жадностью человека, добравшегося в зной и духоту до источника живительной влаги, он читал книги по истории, философии, праву и литературе. Увлекался Руссо и прочитал „Общественный договор“ десятки раз, готовясь сделать это произведение доступным также для японской публики. Впоследствии он выполнил это свое намерение, правда, написав свой несовершенный перевод камбуном, т. е. по китайски, и в сокращенном виде. Накаэ читал Вольтера, Монтескье, читал Канта и Гегеля, но, главным образом, модных в то время во Франции, позитивистов.

В 1874 г. Накаэ вынужден был вернуться в Японию, так как казеннокоштные студенты, обучавшиеся в заграничных университетах лишались и тех скудных средств, которыми они до тех пор довольствовались. В 1875 г. Накаэ поступил на государственную службу в гэнрōин (сенат) в качестве переводчика-секретаря. Здесь он мог видеть образец бюрократии в ее совершенно неприкрытом виде, вместо творческой законодательной деятельности, которой гэнрōин был фактически лишен. Накаэ ушел в отставку и открыл свою школу, называвшуюся в то время „Фуцунгакудзюку“ 佛學塾 („Школой французской науки“), в которой обучали французскому языку, истории, литературе, знакомили учащихся с современной философией и естествознанием.

Еще состоя на службе в гэнрёбин, Накаэ Тёмин был знаком с известным членом гэнро князем Сайёндзи, игравшим в течение своей долголетней жизни значительную роль в политической жизни Японии. В те времена Сайёндзи не отказывался от случая подчеркнуть свой либерализм и одно время даже отзывался о парижских коммунарах как о смелых борцах. Однажды Сайёндзи снизошел до того, что стал убеждать Накаэ сделаться сотрудником либеральной газеты, которую князь собирался издавать. Накаэ смеялся в душе над скандированной речью Сайёндзи по поводу „перспектив народного процветания и развития талантов“. Великолепно зная цену этим напыщенным фразам, Накаэ решил оригинальным и, нужно сказать, рискованным образом отделаться от непрошеного патроната. По этому поводу в Японии был распространен довольно любопытный рассказ, кстати сказать, попавший и в европейскую литературу.

Накаэ постарался внушить князю мысль о том, что тот может „пополнить“ свои „знания“ ... нужд народа, „чаяний низов“, посетив инкогнито любую таверну, где-нибудь на окраине столицы, где живет беднота. Там, когда вино развяжет уста посетителям, князь услышит вещи, которые он никогда не услышит на заседаниях или на законодательных совещаниях. Сайёндзи и Накаэ отправились в одну из дальних таверн, которую как раз посещали грузчики. Сайёндзи был вынужден отзедать простого вина и торжествовал по поводу такого искреннего применения своей добродетели: он щедро угощал грузчиков саке. Подбивший его на это Накаэ, подливал масла в огонь, и его незадачливый спутник заставлял хозяина добавлять водки всем присутствующим. Наступил момент расчета за изрядное количество саке, выпитое посетителями благодаря такому счастливому случаю, и карманных денег Сайёндзи оказалось недостаточно для того, чтобы покрыть и половину долга. Предвидя развязку устроенной им комедии, не обещавшей никаких „либеральных“ идиллий, Накаэ под каким-то предлогом оставил, будто бы на короткий срок, своего сиятельного спутника одного в таверне, благополучно вышел на улицу и был таков. „Благодарности“, выраженные Сайёндзи, были весьма недвусмысленными и князь был милостиво отпущен владельцем таверны только после того, как он открыл свою фамилию. В Токио об этом не весьма приличном случае с князем знало немало лиц. Накаэ не сделался сотрудником предполагавшейся газеты Сайёндзи.

В 1875 г. в Японии развернулось движение за установление представительных форм правления, известное под названием „дзюминкэн ундō“ 自由民權運動 „движение за народные права“. Накаэ близко принял к сердцу судьбу этого движения. Совместно с группой единомышленников он задумал в 1876 г. издавать газету. Организация этой газеты была подавлена правительством в самом ее зародыше, и Накаэ вместе с другими членами сложившейся редакции подвергся преследованиям. Незадолго до своей смерти Накаэ описал этот эпизод своей общественной деятельности.

„В 8 или 9 году Мэйдзи, — пишет он, — я..., Хакуда Сэймон, Мацуда Масахиса, Мацудзава Кэн (арестованный несколько времени спустя в связи с нашей газетой и умерший в тюрьме), Уэсудзи Нобуцуги и Хаяси Сёмэй создали свою газету и назвали ее „Тоё дзюсимбун“ 東洋自由新聞 — „Восточная свободная газета“. В то время еще не существовала „Дзюто“ 自由黨, (так называемая либеральная партия, официально оформившаяся в 1881 г. — Я. Р.). Слово „дзю“ — „свобода“ тогда еще не применялось в практических делах и это, таким

образом, было началом его применения. Мы провозгласили и отстаивали величие принципов свободы и равенства и для тогдашнего правительства сделались врагами. Спустя короткое время получились соответствующие наставления, исходящие от правительства, а вслед за этим Мацудзава и еще два человека были запряты в тюрьму. Издательское общество было запрещено и распущено. Затем возникла „Дзюйтō“, и я совместно с господами Симамото Накамитя и Умаба Синтё восстановили газету и стали писать для нее. С тех пор я сделался основным корреспондентом газет „Тоун симбун“ 東雲新聞 и „Нитикан сэйрон“, связанной с графом Гото, „Дзюсимбун“ 自由新聞, „Риккэндзю симбун“ 立憲自由新聞 и „Минкэн симбун“ 民權新聞, где не упустил случая с исключительной силой нападать на тогдашнее правительство и вообще на правительство.¹ Накаэ считал себя обязанным принять самое активное участие в движении за народные права и за учреждение парламента.

Через некоторое время появилась в свет его первая работа „Сэйрисёдан“ 政理叢談. Это были беседы на политические темы. За ними последовал перевод „Общественного договора“ Руссо, как уже было сказано, неполный и несовершенный, написанный по-китайски.² Накаэ принимал деятельное участие в партии „Дзюйтō“. Он выступал как пропагандист народоправства, занимая левое крыло в партии. В связи с свирепыми полицейскими законами, изданными в декабре 1887 г., и запрещением общественных организаций и объединений, Накаэ был арестован и выслан как видный деятель запрещенной „Дзюйтō“. После опубликования конституции в 1889 г. он был амнистирован. Вернувшись в Токио, Накаэ принимал живое участие в восстановлении партии и сделался редактором „Дзюсимбун“. На этом посту Накаэ Тёмин приобрел немало противников из среды наиболее правых кругов „Дзюйтō“.

Защитник прав бывших отверженных париев, так называемых „эта“, Накаэ был выдвинут ими в парламент от города Осака. Вскоре, однако, он отвернулся от парламента, не будучи в состоянии примириться с этой отвратительной картиной. Накаэ открыто называл куцый японский парламент „зоологическим садом бескровных червей“. Он не в состоянии был молчать, видя разложение, фальшь и циничную продажность „Дзюйтō“. Накаэ Тёмин публично заявил свою категорическую просьбу не считать его членом этой партии и тем самым оградить его имя от бесчестия. Обращаясь к высокопоставленным заправилам „Дзюйтō“, Накаэ говорит: „Нужно уничтожить титулы и пожалованные награды в обществе при помощи награды совести. Нужно удалить за тысячи ри живых соломенных чучел, имеющихся благородными джентльменами, порхающих на высоких башнях и украшенных пурпуром и киноварью. Нужно отдать все настоящим людям без титулов и званий“.

Условия складывались таким образом, что Накаэ решил отойти от литературной и политической деятельности. Нужда, долги и долги, постоянные заботы о хлебе насущном также одолевали его. Жена Накаэ, его верный друг и неизменный секретарь, разделяла с супругом эти унижительные хлопоты в постоянных поисках средств для содержания семьи. Накаэ принимался за торговлю бумагой, устраивался на строительстве железной дороги, делался членом акционерных компаний. Но вся

¹ Накаэ Токусукэ. „Полтора года“, изд. Хакубункан, Токио, 1902, стр. 106.

² См.: „Мэйдзи бунка“ 明治文化 (т. VII).

эта деятельность кончилась еще большей неудачей. Огромная библиотека, собранная философом, была продана. Нужда истощала организм. Он сам говорит: „Собранные фолианты таяли. Они исчезали один за другим и обменивались на рис“.¹ Нужда семьи Накаэ возросла во время его тяжелой и роковой болезни, когда он находился в Осака. Накаэ рассказывает, как группа его старых учеников, когда-то окончивших его „Фуцугакудзюку“, человек двадцать с лишним, вспомнили о нем в это тяжелое для него время. „Они собрали шестьдесят золотых и преподнесли мне, — пишет он с благодарностью. — Что я мог сказать моим старым питомцам? Денежные дела, как всегда, у меня были плохи, и я принял подношение, как будто бы приобрел десять тысяч золотых“.²

С ноября 1899 г. Накаэ заболел. Известный в то время врач Хориути, осмотрев больного, вынес свой приговор: „рак горла“. Хирург заявил, что болезнь прогрессирует и что необходима операция. В осторожных выражениях он изложил свой взгляд на ее серьезность и сложность. Накаэ Тэмин со свойственной ему жизнерадостностью, не оставлявшей его до последнего вдоха, стал ободрять смущенного хирурга рассуждениями о том, что все ведь случается, что один из десяти больных выживает после этой довольно интересной, с точки зрения медицины, операции. „Однажды, — пишет Накаэ, — я обратился к Хориути с просьбой прямо сказать, сколько месяцев и дней я могу, по его мнению, существовать на земле? Я был совершенно спокоен и даже шутил по поводу того, что и в течение одного дня можно совершить чрезвычайно много полезных вещей. Это настроение передалось повидимому и доктору Хориути, и так как он был совершенно безвредный специалист, то, подумав минуты две-три и сделав вид, как будто хочет сказать что-то очень страшное, произнес: «Полтора года! Если будете хорошо питаться и следить за собой, то и два года!». А я думал всего месяцев пять-шесть, — обрадовался Накаэ. — В таком случае это будет самое плодотворное для меня время“. И действительно, совершенно больной и истощенный, Накаэ принял за название своей известной книги, которой он дал название „Полтора года“.

В это критическое время философ не отвернулся от жизни. Он слишком любил свой народ, чтобы быть бездушным наблюдателем жестокого произвола в управлении его судьбами, народ, оказавшийся в руках клики тупых бюрократов, продажных политических дельцов и биржевых спекулянтов, опиравшихся на полицейский аппарат буржуазно-помещичьей монархии. Друзья доставляли ему газеты. Он был в курсе всех событий, происходивших в стране и за океаном, близко интересовался политической борьбой и живо реагировал на деятельность парламента и политические интриги, вдохновляемые правительством.

Когда премьер министр Ито Хиробуми приступил в 1900 г. к организации реакционной партии „Сэйюкай“ 政友會, в которую вошло большинство членов „Дзюито“, Накаэ выступил против него, против этого „японского Бисмарка“. Он иронизирует над Ито и разоблачает его как политического дельца. Он дает не только отрицательную оценку партии „Сэйюкай“ и „Дзюито“, к которой прежде сам принадлежал, но и всем основным политическим партиям, существовавшим в последние годы жизни Накаэ Тэмин.

¹ Накаэ Токусукэ, ук. соч., стр. 109.

² Там же, стр. 60—61.

Выступления против князя Ито Хиробуми были делом не простым; во всяком случае Накаэ пренебрегал остатком своих сил и даже тем кратким сроком жизни, который ему предсказывали врачи. В иронических выражениях, проникнутых чувством возмущения и ненависти, пишет Накаэ об Ито Хиробуми — князе и премьере. „Любимый, талантливый человек, у которого на груди действительно красуется большой орден хризантемы. Капиталист, китайское образование которого заключается только в сочинительстве плохих стихов. Захудалый помещик, европейское образование которого заключается только в том, что он заучил наизусть какой-нибудь каталог. Он поверг когда-то в великое изумление гэнрō и затем замолчал окончательно. Этот златоуст решил выждать случая. Он обладал «талантом» секретаря, да кроме того «способностями» получившего высшую ученую степень — доктора литературы 翰林, но ему нехватало одного — данных для занятия поста премьер-министра. Поэтому, будучи причастным к выработке конституции, он до ее введения и после этого проявлял некоторую эффективную деятельность и достиг поста премьера. Но он имел только одни неудачи и в конце концов не пришел к успешному результату. Единственно, что стало известно, что сам он талантами вовсе не обладает. Поэтому-то, сделавшись князем, Ито стал придумывать разительные планы и превратился в весьма неискusstного рыболова. Запасшись всевозможной провизией, Ито уселся в свой челнок, нанизал приманки на крючок и закинул бамбуковую удочку. Рыбки хоть и много, да не клюет. Знаменитая административная реформа 行政刷新, урегулирование денежной системы 財政整理 — разве все это не дела неискusstного удильщика рыбки? Одним словом, амбиции у него много, а ума и смелости нехватает. Если бы он остановился на должности главного секретаря кабинета министров, то это и было бы его настоящее место“.¹ Административная реформа, о которой говорит Накаэ, выразилась в 1885 г. в создании кабинета министров на европейский манер. Ито не был далек от теоретических упражнений, которыми занимались некоторые японские правоведы, подражавшие Гнайсту и Блюнчли. Он боготворил Бисмарка и старался подражать ему. Вернувшись из своей вторичной поездки в 1882 г. в Европу, предпринятой им специально для изучения применения конституций в различных странах, он воскуривал фимиам Бисмарку, системе и духу прусской конституции. Что же касается урегулирования денежной системы, которую характеризует Накаэ, то речь идет о важной финансовой реформе, проведенной в жизнь Ито в 1886 г. В результате проведения этой реформы был поднят авторитет государственного банка, получившего монопольное право денежной эмиссии во все империи. Подобно тому, как оппозиционно настроенной буржуазии вовсе не улыбались диктаторские стремления Ито, так и мелкой буржуазии, и прежде всего пролетариату, ненавистны были результаты усилившегося биржевого ажиотажа и спекуляций. Покупательная способность валюты возросла, а жизненный уровень эксплоатируемых масс населения значительно снизился. В другом месте Накаэ пишет: „Партия «Дзйōтō» беспринципна и лишена экономической теории. Этих своих позиций она не в состоянии скрыть. Старая плесень не снята с нее и старые традиции живут в ней. Ито в своих пропагандистских статьях захотел очистить «Дзйōтō». Князь решил сделаться Конфуцием или Буддой и обязательно создать

¹ Там же, стр. 32.

политическую партию, которая слила бы воедино сердца всего населения страны, все их желания и помыслы, все их чувства долга, но потерпел фиаско".¹ Разумеется, что партия „Сэйюкай“, о которой здесь идет речь, была отдалена даже от интересов мелкой буржуазии, не говоря уже об интересах бедноты.

В своей заметке под названием „Судьба Сэйюкай“ 政友會の運命 Накаэ пишет: „... Дзию̄тō представляет в Сэйюкай основную часть ее членов. Исторически заняла в ней [в Дзию̄тō] твердую почву компания лиц, исходивших во всей своей практике из принципов бэнтамовского утилитаризма и помышлявших исключительно о собственной выгоде и никогда не знавших, что такое человеческий стыд. В ней давно уже образовались группы и группочки ... Все они гонятся за выгодами, стараются избежать материального ущерба для себя и другой идеи у них нет. Даже те, о которых думали, что они в какой-то степени пекутся об общественном благе, постепенно стали склоняться к подобным идеям. Отвратить партию от разложения уже нельзя было. И даже те лица, которые заботились о своих пристойных этических качествах, попали в такую компанию, что сделались бессильными и безвольными субъектами, копошащимися в этой среде, подобно червям, долгие месяцы и даже годы. Они не принесут стране пользы и сами не достигнут ее. Облака растаяли и рассеялся туман. Увы! такова судьба Сэйюкай!“ ...² „А ведь кто такой Ито? Он сам как будто бы являлся коноводом во время всех этих затруднений. Члены Дзию̄тō по своему простодушию, совсем не знали, что имеют дело с врагом, преследующим только собственную выгоду“.³ В самом деле, Ито всеми средствами стремился разложить „Дзию̄тō“, а затем превратить ее в молчаливого свидетеля политического произвола правящей буржуазно-помещичьей верхушки, если нельзя будет создать из нее активного помощника или опоры для правительства.

За три года до смерти Накаэ появилась новая, правда только по своему названию, партия „Симпотō“ 進歩黨, так называемая „Прогрессивная партия“. Накаэ пришел к выводу, что эта партия, состоящая из таких же элементов, что и „Дзию̄тō“, прикрывает свою поддержку реакционных дел правительства пустопорожними рассуждениями о великих принципах благоденствия для всего государства. Накаэ пишет: „Беспринципность и отсутствие экономической теории у Симпотō те же, что и у Дзию̄тō. Правительство сперва вошло в коалицию с Дзию̄тō, а затем с Симпотō. Дзию̄тō первая демонстрировала свою положительную политику (в отношении правящей верхушки, — Я. Р.), а вслед за ней это сделала и Симпотō. В роли не приносящей пользы государству Симпотō единственная в своем роде, а в роли приносящей вред своими политическими традициями она также единственная в своем роде“.¹

Накаэ Тэмин не оставляет в покое продажное чиновничество. „Что такое администрация? — спрашивает он, — Разве ее сущность не заключается в том, чтобы служить народу? Однако мы видим теперь другое. Народ как будто существует, для того, чтобы служить чиновникам. На каком же основании имеют место подобные вещи? Кто с давних пор кормит и одевает этих чиновников? Разве не от народа они получают свое содержание? Разве не народ кормит их? Разве не от народа зависит сама их жизнь? Имущество и деньги чиновников 官の物金錢,

¹ Там же, стр. 36.

² Там же, стр. 33.

³ Там же, стр. 36.

разумеется, нигде не падают с неба и нигде не вырастают из земли. Все это появляется из народного кармана 皆人民の囊中より生せしに非ざる莫し. Народные массы являются первым владыкой чиновничества и их должно уважать¹.

Между тем болезнь усиливалась. Становилось труднее дышать и в минуты участвовавших спазм он не раз смотрел смерти в глаза, преисполненный сожаления по поводу того, что не успел закончить начатых произведений. Жена было отговорила его от операции. Она ухаживала за ним в надежде, что все же удастся спасти этого большого человека. Временами казалось, что Накаэ внемлет мольбам жены и откладывает кисть для того, чтобы больше не писать, закрыв глаза на то, что происходит кругом. По ночам, когда жена, утомленная за день, отдыхала в своей комнате, Накаэ вставал с постели, прислушивался — спит ли она, и принимался за работу. В тиши таких бессонных последних ночей он творил, угасая, и рукописи множилось и разрастались. Он задавал сам себе вопросы и тут же записывал ответы на них. Так родились его последние записи, посвященные оценке так называемой „теории народоуправства“. В одной такой записи, содержащей также и нелепые рассуждения, все же выделяется основное заявление: „Народные права — верховный закон; свобода и равенство — это великие принципы. Те, которые противостоят этому закону, неминуемо подвергаются каре“². На глазах у Накаэ умирали последние остатки японского буржуазного либерализма. Отражая интересы левого крыла либеральной партии, интересы мелкобуржуазной интеллигенции, Накаэ обращается к давно известному эфемерному образу „просвещенного монарха“, существующего, будто бы, на основании „общественного договора“ для того, чтобы противопоставить все это японской монархической действительности. Он рассуждает далее, что именно почитание народных прав в качестве верховного закона свободы и равенства, в качестве „великих принципов“, ведет к уважению подобного правителя. Он ссылается при этом на Мэн-цзы, поставившего, будто бы, и прежде чем об этом узнали в Европе и Америке, вопрос о верховенстве народных прав. И тут же в записи под названием „Еще не существовало этого“ говорит: „Не существовало королей, князей, военачальников и министров, а народ существовал, — так было, но чтобы не существовало народа, а короли, князья, военачальники и министры существовали, — такого еще не бывало. Это — закон, над которым нужно глубоко подумать!“³ Подобные рассуждения уже подкапывались под основные догмы японской монархии, освященные синтоизмом, как „великие принципы божественной монархии по своему происхождению и сущности“. Правящая клика князя Ито официально декларировала, что будто бы прямой потомок богов — микадо „даровал“ стране конституцию. Здесь же утверждалось, что народ существовал прежде чем появились микадо и все, что связано с императорской властью. Ясно подчеркивалось, что народ является верховным носителем власти, а не император. Вот почему идеологи фашистского „японизма“ изымали из библиотек произведения Накаэ Тёмин и запрещали книготорговцам продавать их.

Накаэ с упорством продолжал писать свою книгу „Полтора года“ 年有半 и, повидимому, реагируя на предостережения напуганных

¹ Там же, стр. 69.

² Там же, стр. 70.

³ Там же, стр. 70.

друзей, он сделал запись, названную им „Пусть разящая кисть сотрется до конца, — я не останавлиюсь“ 攻撃の筆は死すれても休まず.

В этой записи он с беспечным юмором говорит: „... Я теперь болен и пишу свои „Полтора года“. Если мне суждено жить еще полтора года, то я буду продолжать писать то же, что пишу сейчас. Я намерен спешить писать для нападения, пока я в состоянии сопротивляться смерти. Разве я могу переродиться? Ха! Ха! Ха!“¹

Его интересуют все более или менее значительные события тогдашней японской общественной и научной жизни, а еще более они волнуют и возмущают его. Когда министерство просвещения приветствовало выдачу 29 июня 1900 г. дипломов об окончании университета 30 юристам, математикам и медикам, Накаэ высмеивает эту „дипломированную ограниченность“. Головы этих лиц — говорит он — наполнены цитатами из древних китайских и японских книг да кое-какими сведениями о Ньютоне и Лавуазье, а к теоретическим обобщениям не приучены и не способны. Какие же это культурные люди и ученые, если они не склонны к самой малейшей теоретической работе? — восклицает Накаэ. Когда в это время раздавались голоса некоторых литераторов в пользу латинизации японской письменности, Накаэ откликнулся на это специальной заметкой, в которой предлагает конкретные меры для осуществления этого дела.

Он выступает против буддийских и синтоистских сект и требует их запрещения. В то время начинала широко распространяться мистическая секта под названием „Тэнрикё“ 天理教. Основательница этой секты „пророчица“ и кликуша Мицуко стала пользоваться большой известностью почти во всей стране. Власти долго отказывались зарегистрировать секту, но, когда во время русско-японской войны ее запреты внесли несколько миллионов иен в „фонд преуспеяния японского оружия“, на нее обратили особое внимание. Оказалось, что эта секта, насчитывающая в числе своих членов крупных капиталистов, помещиков и даже военных, распоряжается большими денежными средствами и значительными земельными владениями. Она имеет свои храмы, типографии, предприятия, гостиницы и т. п. Мне довелось читать „молитвенник“ этой секты, изданный в 1926 г. Его лейтмотив: ненужность классовой борьбы и агитация против революционного движения. Во времена Накаэ эта секта уже проявляла лихорадочную деятельность. Характерно, что ее агенты еще тогда избрали промышленный город Осака местом для особенной своей активности. Накаэ Тёмин и в своем тяжелом состоянии не упускал случая для того, чтобы выступить с разоблачениями деятельности секты мракобесов и с требованием ее запрещения.²

Друзья не приносили Накаэ утешительных вестей. Верхушка „Сэйю-кай“ во главе с Ито Хиробуми давно пошла на союз с концерном Мицуи. Жалкие политиканы из ее среды воспевали „расцвет“ национальной промышленности — и „народного благосостояния“, в то время как этот „расцвет“ совершался на основе феодальной японских, т. е. одних из самых варварских в мире методов эксплуатации рабочего класса, а „народное благосостояние“, например в деревне, достигалось ограблением налогами и поборами крестьянства, которое дошло до страшной нищеты. Свирепый полицейский закон „об охране порядка“, изданный в 1900 г., дополнял картину общественной жизни в островной империи того времени. Этот

¹ Там же, стр. 107.

² Там же, стр. 56.

закон вызывал возмущение в среде рабочих и ремесленников, а также в среде мелкой буржуазии, в особенности в среде мелкобуржуазной интеллигенции, не только неуверенной в завтрашнем дне, но не знающей, как ей обойтись со своими скудными средствами сегодня. „В этом обществе эпохи Мэйдзи, — пишет Накаэ Тёмин, — я не нахожу никакого удовлетворения. Берешься за кисть и сразу же вынуждаешься писать для штурма, откроешь рот и сразу же вынуждаешься ругать все и бранить. В моем положении, когда опухоль захватила все горло и не поддается лечению, остается сложить руки и ждать своей кончины или ждать, навлеку ли на себя кару со стороны этого общества, или она минет меня“¹.

Еще с большим возмущением реагировал Накаэ на выставление так называемой академической печатью Като Хироюки и Иноуэ Тэудзирё в качестве виднейших философов или творцов новой японской философии. Япония приобрела, наконец, своих настоящих философов! Она, стало быть, и в области „сияющей культуры“ должна стоять в одном ряду с цивилизованными государствами мира — вот общий смысл похвальных отзывов о Като Хироюки и Иноуэ Тэудзирё. Като Хироюки еще в последние годы существования токугавского режима начал свою деятельность с декларирования идей народоправства, свободы и равенства, с восхваления труда, выставляя даже напоказ свои рассуждения в духе метафизического материализма. Затем, в течение первых же десятилетий после незаконченной буржуазной революции 1867—1868 г., он так же демонстративно и резко отвернулся от своих прежних взглядов и заявлений, сжигал свои ранние сочинения, зарекомендовал себя борником монархии и достиг, наконец, поста ректора императорского университета. Като кончил свою карьеру бесстыдным апологетом японского военно-феодалного империализма, охарактеризовав его как естественное проявление жизненных качеств страны восходящего солнца в сравнении с другими странами Азии и приспособив для этой своей пропаганды фальсифицированное и изуродованное до совершенной неузнаваемости учение Дарвина. Что же касается Иноуэ Тэудзирё, действительного члена японской Академии наук и главного редактора так называемого академического „Философского журнала“ 哲學雜誌, то во времена Накаэ Тёмин этот идеалист, теолог и рьяный проповедник „японизма“ еще пользовался славой создателя собственной и „оригинальной“ „теории идентитетреализма“ 現象實在論. „Оригинальность“ этой теории заключалась в глупейших и нелепейших заявлениях Иноуэ о том, что с опубликованием его „теории“ будто бы навсегда исчезает спор между материализмом и идеализмом, что изобретенный им „идентитетреализм“, стоящий „выше материализма и идеализма“, точно определяет, что психическое есть физическое, а физическое есть психическое. В кругах мыслящих людей, таких, как, например, Накаэ Тёмин, над Иноуэ смеялись, как над „бездарным школьником“, и тут же отдавали такую же дань и его стараниям, проявленным в комиссии по составлению императорского манифеста от 12 октября 1881 г., в котором обещалось ввести конституцию в 1890 г. В этой комиссии „философ“ подвизался по назначению правительства. Иноуэ учился в Германии, где слушал лекции Вундта, а по возвращении в Японию объявил Вундта и Паульсена единственными ... конфуцианцами в Европе. Он выразил слова Канта

¹ Там же, стр. 105.

„категорический императив“ иероглифами 無上命法 и urbi et orbi кричал о том, что вдвойне облагодетельствовал „восточную философию“. Во-первых, он выразил „основной принцип учения Канта иероглифами“ и тем самым познакомил с ним народы Дальнего востока, что „до него никто не был в состоянии сделать“. Во-вторых, он пришел к убеждению, что „Кант является только систематизатором древних идей Востока“, что Кант систематизировал идеи Конфуция и канона махаянистского буддизма и т. д. и т. п. Мне пришлось читать статью Иноуэ Тэцудзирō, напечатанную в „Философском журнале“ („Тэцугакудзасси“) уже в 1937 г. Этот престарелый идеолог японской буржуазно-помещичьей монархии и здесь превозносит свои заслуги в оценке категорического императива Канта и в отведении для Канта места систематизатора, а не творца этического учения, которого придерживаются кантианцы. Накаэ Тэмин совершенно правильно считал Иноуэ хвастливым выскочкой и публично высказывал свое мнение. Когда же Иноуэ дополнил свою „оригинальную теорию“ объяснением, что „идентитетреализм стоит между материализмом и идеализмом, но склоняется к идеализму“, терпению Накаэ пришел конец. Он сделал для своего произведения „Полтора года“ следующую запись: „В наше время такие люди, как Като и Иноуэ, выставляют себя философами, а общество допускает это. Они ввозят в нашу страну в таком виде, как они есть, те учения Запада, которые они сами как-нибудь изучали. На вершине горы Кун-лунь не растут жужубы; Като и Иноуэ не являются философами...¹ Нет у нас философов! Мы народ неспособный к философскому мышлению и к какому угодно другому углубленному мышлению...² Легковесность мысли и ограниченность сделались нашей основной болезнью. Эта легковесность мысли и ограниченность привели к тому, что собственной философии нет у нас. В политике мы беспринципны. Борьба партий у нас отличается непоследовательностью. Практицизм, малоинтеллигентность — вот черты нашего народа. Нужно преобразовать наше просвещение, наш долг требует оставить сторонников всего мертвого в науке и обратиться к жизни, к живому народу, и только это!“³

В мае 1901 г. доктор Хориути сделал Накаэ Тэмин операцию горла. Больному стало легче дышать и принимать пищу, но он лишился голоса, а серебряная трубка в горле причиняла новые страдания, повидимому вследствие того, что была изготовлена не совсем удачно. Накаэ лежал в г. Осака в постели. Несколько почитателей навещали мыслителя и, наконец, помогли ему вернуться в Токио. Первая опасность миновала. Начинались новые „Полтора года“, и он принялся писать свое произведение „Нет богов и нет души“ 無神無靈云鬼, навсегда вписавшее имя философа в историю японского материализма и атеизма. Это произведение состоит из двух частей, содержащих 27 глав, и из краткого „заключения“. Текст этой чрезвычайно интересной японской работы занимает 116 печатных страниц.

Упорный труд над произведением подрывал остаток сил философа. Накаэ написал его в течение двух месяцев. Почувствовав приближение рокового часа, он пригласил к себе своего ученика, Котоку Сюсуи (Дэндзирō), и заявил, что только ему одному он может вверить свои

¹ Там же, стр. 27.

² Там же, стр. 28.

³ Там же, стр. 29.

рукописи. Накаэ попросил Кōтоку отредактировать его публицистические записи и, оставив без изменения философские работы, опубликовать их, если он закроет глаза до того как успеет это сделать сам. Доктор Кōтоку, как известно, был пламенный революционер. Длительное пребывание в тюрьмах не сломило его воли. В 1906 г. в Токио на митинге рабочих он ссылаясь на учение Маркса и Энгельса и призывал к политической организации японского пролетариата. Ложно обвиненный в террористическом заговоре, этот образованный, высококультурный и неподкупный революционер, хотя и допустивший ряд анархо-синдикалистских ошибок, был казнен японским правительством в 1911 г.

Кōтоку счел за честь предложение Накаэ. Спустя четыре месяца после операции и недели через две после того, как рукопись была завершена, силы Накаэ Тёмин стали быстро падать и рано утром 12 декабря 1901 г. философа не стало. Оплакиваемый семьей, близкими друзьями и почитателями, Накаэ был похоронен в ненастный сумрачный день. Несмотря на это, и вопреки предостережениям полиции, на кладбище пришло немало людей. Было в точности исполнено завещание философа: ни один бонза не был допущен к его праху и, кажется, впервые в Японии на могиле Накаэ Тёмин была устроена гражданская панихида.

Доктор Кōтоку издал произведение „Нет богов и нет души“ под названием „Еще полтора года“ 續一年有半, как это намеревался сделать сам автор. Имея в виду исторический интерес, который представляет большая работа Накаэ, написанная в 1886 г. и носящая название „Философские глубины“ 理學鉤去, он включил ее в книгу „Еще полтора года“ в качестве приложения.

Что касается этой ранней работы Накаэ, то она представляет исторический интерес не только с точки зрения оценки дальнейшей философской эволюции ее автора. Она содержит в себе иероглифические композиции, выражающие философские термины, теперь уже не употребляющиеся в японской философской литературе. Накаэ снабдил эти иероглифические композиции французскими эквивалентами. К сожалению, эта его сложная эгзегетическая работа была методологически несостоятельной и, за малым исключением, пропала даром. Тем не менее, для историка философии изучение и сравнение этой терминологии Накаэ с современной японской философской терминологией является предметом отдельного и благодарного исследования.

В 1886 г. Накаэ еще стоял полностью на позициях позитивизма. Он считал Конта своим учителем и прямо говорит в своей книге, что отправляется от его концепции. Напротив, в своем произведении „Нет богов и нет души“ Накаэ резко выступает против позитивизма и посвящает целые страницы его принципиальной критике. Прошло четыре десятилетия с лишним со дня опубликования этого интересного произведения, и вряд ли кто-нибудь из современных японцев в состоянии без специальной подготовки читать его точно так же, как он в состоянии читать любую другую, даже самую сложную по своему содержанию, философскую книгу. Причина этого лежит главным образом не в предмете и специфическом стиле философствования Накаэ Тёмин, а опять-таки и прежде всего в иероглифических композициях, использованных философом для выражения своих мыслей, и вообще в специфическом колорите стилистического оформления, свойственном научным произведениям, написанным в последние годы токугавского режима и в первые два десятилетия после революции 1867 г. Накаэ Тёмин пользуется терминами, выражениями

и повествованиями, заключающимися в И-цзине, Мэн-цзы и в произведениях Сыма Цяня.

Накаэ Тэмин начинает свое произведение „Нет богов и нет души“ с декларации своих исходных и основных философских воззрений. Я считаю целесообразным привести эту декларацию полностью, а не излагать ее в парафразе.

„При исследовании в области науки об [основных] принципах [бытия] или того, что повсюду называется философией, — пишет Накаэ Тэмин, — нельзя в конечном счете ограничиваться пределами [нашего] тела [ростом] в [каких-нибудь] пять сяку. Хотя можно было бы так поступать, но в [конечном итоге] все то, что будет [нам] говорить [такая философия], невольно [незаметно для нас] неизбежно окажется лишенным какой бы то ни было связи. Нельзя также ограничиваться пределами рода человеческого. Нельзя и ограничивать себя пределами атмосферы [толщиною] в [каких-нибудь] восемнадцать ри, равно как и пределами солнечной системы.

„По своей природе, пространство, время, вселенная — все это есть одно, а не два. И как бы ни воображать с [нашей] ограниченной силой воображения, — нет оснований утверждать, что в таких вещах, как пространство, время, вселенная, должно существовать начало, нет оснований утверждать, что вверху или внизу, на западе или востоке существует предел. Однако [обычно] размышляют, ограничиваясь либо пределами [нашего] тела [ростом] в [каких-нибудь] пять сяку, либо родом человеческим, либо атмосферами [толщиной] в [каких-нибудь] 18 ри, находясь при этом на поводу у своих собственных интересов и желаний. Размышляют, выделяя только одно существо, именуемое человеком, пренебрегая и третируя все прочие живые существа — царство животных.

„Поэтому и выходит, что говорят нелепости, предельно нелогичные, предельно нефилософские, нагромождая удобные для этого живого существа [именуемого человеком] теории о существовании бога, о бессмертии души, т. е. о том, что и после физической смерти каждый все-таки сохраняет свою душу.

„Трудно удержаться от смеха, когда подумаешь о том, что Платон, Плотин, Декарт, Лейбниц, будучи все мужами глубоких и всеобъемлющих знаний, вместе с тем размышляя, сами того не сознавая, о том, что будет с ними после смерти, и завлеченные интересами живых существ того же рода, что и они сами, т. е. интересами человека [в целом], выпускали в изобилии книги и теоретизировали без смущения в лице о рае, аде, едином боге, бессмертии души, не отдавая себе отчета в том, что все это лишь словесная пена, дым, и даже не дым, ибо, как никак, а дым имеет реальность. Крайне смешно, что большинство европейских и американских ученых, находясь под воздействием заблуждений, впитанных с молоком матери, проникших в их плоть и кровь, думали, что говорить о небытии бога или о небытии души — это все равно, что совершить величайшее преступление.

„В самом деле, если принять во внимание, что разбойник Дао Чжи **盜跖**,¹ прославившийся своей жестокостью и произволом, прожил долгие годы, а Янь Хуй (любимый ученик Конфуция, — Я. Р.), прозванный даже вторым святым [после Конфуция], умер преждевременно, далее, что многие господа бандиты и воры имели обыкновение следовать „дао“ — „пути“, когда уже владели страной, и отвращаться от „дао“, когда захватывали

¹ Заимствовано из „Ши-цзи“ Сыма Цяня.

бразды правления,¹ эти господа бандиты и воры процветали, а лица, хранившие справедливость, умирают, не имея даже хлеба насущного. повторяю, когда видишь все это, то для большинства людей окажется наиболее удобным говорить, что в будущем должен наступить истинный и справедливый суд. Особенно большим утешением, я думаю, окажется утверждение, что есть все любящий [всемилосердный], высокосправедливый бог, что душа бессмертна, т. е. что она и после физической смерти человека может сохранить свою самостоятельную природу для тех, кто, будучи тяжело болен год, полгода, изо дня в день приближается к смерти. Как же в таком случае быть с величием философии? Где же тогда качества, необходимые для философа, который должен беспристрастно рассматривать лишь основные принципы? Прожив вот уже пятьдесят пять лет и имея знакомство с достаточным количеством книг, и понимая логические принципы, я не имею, к несчастью, в себе мужества извергать бессмыслицы вроде того, что есть бог или что душа бессмертна.

„Я думаю, что в области философии обязанность философа, более того, его природа заключается в том, чтобы быть абсолютно холодным, абсолютно прямым, абсолютно незаинтересованным. Поэтому я и отстаиваю решительно несуществование Будды, несуществование синтоистских богов, несуществование души, то есть чисто материалистическое учение. Я отстаиваю эту теорию, выставляя здесь свою независимую точку зрения, будучи безразличным к учениям предшественников и оставляя в стороне догмы, не замыкаясь в узких пределах человеческого тела [ростом] в [каких-нибудь] пять сяку, человека, как такового, атмосфер [толщиною] в [каких-нибудь] 18 ри, солнечной системы, небесной сферы, а пребывая в самом центре пространства и времени (если только в том, что не имеет начала и конца, ни предела, ни границы, есть этот самый центр)“.²

理學即ち世の所謂哲學的事條を研究するには五尺の軀の内に局して居ては到底出來ぬ出來ることとは出來でも、其言ふ所ろ、が知らず識らずの間皆沒交渉と成るを免れぬ、人類の内に局して居てもいかぬ、十八里の零圍氣の内に局して居ても、大陽系天體の内に局して居てもいかぬ元來空間と云ひ、時と云ひ、世界と云ひ、皆一つ有りて二つ無きもの、如何に短窄なる想像力を以て想像しても此等空間、時、世界てふ物に、始めの有るべき道理が無い、又上下とか東西とかに、限極の有る道理が無い、然るを五尺軀とか、人類とか、十八里の零圍氣とかの中に局して居て而して自分の利害とか希望とかに拘牽して、他の動物即ち禽獸蟲魚を疎外し輕蔑して、唯た

¹ С ы м а Ши-цзи (Лу-гу-чуань).

² Еще полтора года (續一年有半). Издано Котоку Сюсуи (Дэндзирё) и Такасахи Синтаро, Токио, 1902, стр. 1—5.

人と云ふ動物のみを割出しにして考索するが故
 に、神の存在とか、精神の不滅、即身死する後
 ぼ、各自の靈魂を保つを得るとか、此動物に都合
 の能い論説を并べ立て、非論理極まる、非哲學
 極まる嘖語を發するとてに成る

プラトンや、プロタンや、デカルトや、ライブニツ
 トや、皆宏遠達識の傑士で有りながら、知らず識
 らずの間己れの死後の都合を考慮し、己れと同
 種の動物即ち人類の利益に誘はれて、天道地
 獄、唯一神、精神不滅等、煙の如き否な煙なら
 現に有るが、此等の物は唯言語上の泡末で有
 ることを自省しないで、立派に書を著はし、臆面
 も無く論道して居るのは笑止千萬で有る、又歐
 米多數の學者が、孰れも母親の乳汁と共に吸
 收して身軀に血管に浹洽して居る迷信の爲め
 に支配せられて、乃ち無神とか無精云鬼とか云
 ば大罪を犯したるが如く考へて居るとは笑止
 極で有る

成程人の肉を肝にして恣睢暴戾を極めた盜跖
 が長壽して、亞聖とも云はるゝ顏回が天死し、
 其他世上往々逆取順守を例とせる盜賊的紳士
 が榮へて、公正の行を守る人物が糟糠だ
 にも飽かずして死するを見ると、未來に眞個公
 平の裁判所が有ると云ふが如きは、多數人類
 に取りて都合の好し言ひ事事で有る、殊に身大疾
 に犯され、一年、半年と日々月々死死に近つきつゝ
 有る人物等に在ては、深仁至公の神が有り、又靈
 魂が不滅で有て、即ち身後猶ほ独自の資を保
 ち得るとしたならば、大に自ら慰むる所が有る
 であらう、供し夫では理學の莊嚴を奈何せん、冷
 々然唯道理是れ視る可き哲學者たる資格を奈解
 何せん、生れ居ながら、神が有るの靈魂が不滅と云ふ
 うな嘖語を吐く勇氣は、余は不幸にして所有
 せぬ

余は理學に於て、極めて冷々然として、極めて
 剥出しで、極めて殺風景有るのが、理學者の義
 務否な根本的資格で有ると思ふので有る、故

余は斷じて無佛、無神、無精魂、即ち單純なる物質的學說を主張するので有る、五尺軀、人類十八里の零圍氣、大陽系、天體に局せずして、直ちに身を時と空間との真中(無始無終無邊無限の物に真中有りとせば)に居いて宗旨を眼底に置かず、前人の學說を意に介せず、茲に独自の見地を立て、此論を主張するのである。

Несколько приподнятый тон этой декларации и наивный антиисторизм, пронизывающий заключающиеся в ней рассуждения о существовании религии, ни в малейшей степени не затмевают ее достоинств как бесстрашного вызова, брошенного лагерю японских проводников идеализма и мистики, буддийской теологии и философии, теоретикам так называемого „чистого“, или классического, синтоизма и синтоизма „обновленного“ и воинствующим клерикалам. Даже в среде университетских профессоров подвизалось немало явных и тайных сикофантов, которым ближе были полицейские инструкции, чем новое слово науки, новые мысли. Можно представить себе впечатление, вызванное в этой среде подобной декларацией нападения. Тем не менее, по крайней мере в первые пять лет после появления в свет книги „Еще полтора года“, одна часть японских университетских профессоров просто не в состоянии была печатно ничем воспрепятствовать возрастающему интересу к ней, в то время как другая часть решила бороться с ней игнорированием и неизменным замалчиванием. Причиной этого факта является широкий интерес, вызванный книгой в целом. Она выступала против позитивизма и прагматизма и требовала мыслительной работы, философских обобщений. Это было время, когда в Японии позитивизм и утилитаризм постепенно начинали уступать место немецкой классической философии. Гегель не нашел здесь в то время заметного распространения. Его ждала в островной империи странная судьба: во многих японских сочинениях он был превращен, как отчасти и Спиноза, в буддиста. Зато Кант, с легкой руки Иноуэ Тэцудзирō и его учеников, был принят, опять-таки в связи с учениями об этике. Еще не существовало тогда той критики Канта справа, которую японские выученики, сперва Марбургской школы (Куваки Гэнёку), а затем Фрейбургской (Канэко Тикусуи) и прочие неокантианцы, предприняли после русско-японской войны для того, чтобы по образцу своих европейских наставников очистить Канта от материализма, устранить его дуализм и приспособить для служения новым политическим устремлениям агрессивной японской буржуазии. Тем не менее, несмотря на радушный прием, оказанный кантовскому категорическому императиву японской буржуазной философией, „антиномии“ Канта не давали покоя и самому „профессору — emeritus“ Иноуэ Тэцудзирō. С университетской кафедры приходилось произносить утомительные речи по поводу того, что буддийская философия и неоконфуцианская чжусианская метафизика подтверждают положение Канта о существовании и значении антиномий, определяющихся ограниченностью нашего „я“, неспособного выйти за пределы опыта.

Появившаяся в свет книга Накаэ „Еще полтора года“ настораживала университетскую молодежь, которая имела возможность, читая это произведение, проникнуться сомнением во всем том, что преподавалось

в связи с кантианским идеализмом. Произведение Накаэ Тёмин „Нет богов и нет души“ („Еще полтора года“) зачитывалось до дыр. Интерес к этой книге возрос в такой же степени, как и к книге „Полтора года“. Два произведения одного и того же автора наглядно свидетельствовали о его общетеоретической и философской эволюции и толкали молодежь к углубленной мыслительной работе, к анализу и теоретическим обобщениям.

В то время ни одно произведение не сыграло в Японии такой роли, какую сыграло в этом отношении материалистическое и атеистическое произведение Накаэ Тёмин. Поэтому-то многие университетские популяризаторы идеализма и мистики просто были бессильны ослабить интерес к декларации философа и печатно не в состоянии были в то время дискредитировать даже стиль произведения.

Другая же группа университетских бозэ считала что игнорирование есть наиболее действенное средство для ослабления интереса публики к подобной, неслыханной дотоле, философской декларации.

Антиисторичность декларации Накаэ Тёмин заключается также в том, что наш философ смешивает в одно целое стадии философского мышления, представленные в учениях Платона, Плотина, Декарта и Лейбница, и игнорирует мнения „предшественников“. Накаэ был далек от правильного понимания законов общественного развития. Он был далек от понимания того, что формы идеологии, включая философское мышление и религиозные представления и учения, в конечном счете, определяются всей историей развития способа производства и неразрывно связанной с ним историей общественных классов и классовой борьбы.

Вместо этого он говорит о заблуждении философов и ученых и удобном для личных интересов самообмане простых людей вообще.

Французские материалисты, как известно, говорили о действии религиозного обмана на простых людей. Накаэ говорит о заблуждении высокообразованных людей и приятном или удобном самообмане обыкновенных людей.

Рассуждая о том, что философы были „завлечены интересами живых существ того же рода, что и они сами, т. е. человека, как такового“, Накаэ обнаруживает здесь свою теоретическую беспомощность как историк и философ.

Вместе с тем, некоторым извиняющим Накаэ Тёмин обстоятельством могла бы служить сама цель смешения, о котором я только что говорил. Наш философ ставил себе целью проповедывание атеизма, а в данном случае — декларирование в общей форме своих атеистических воззрений. Поэтому он и выделяет признание сверхъестественного творца философами, идеалистами, противоречащее научному мышлению.

Материалист и непримиримый атеист, Накаэ выступает против своих прежних учителей.

В первой главе произведения „Нет богов и нет души“, названной „Мир (вселенная)“ 世界, Накаэ в самой резкой форме отзывается о так называемой „позитивистической школе“. „В предыдущих разделах я опровергал мнения сторонников религии и философов спиритуалистов. Я рассуждал о том, что, напротив, душа умирает и исчезает, а тело не исчезает бесследно, и что нет благоразумных доводов о существовании бога. В настоящей главе я намерен опровергнуть философию, называемую обычно среди публики позитивистической. Эта философская школа берет свои истоки во Франции в учении Сен-Симона. Огюст Конт является ее защит-

ником. Прежде она оспаривала мнения спиритуалистов и не миловала их темные фантазии и иллюзии. Все отстаивавшееся ею она стремилась в деталях проверять на опыте. Это является особенностью школы. Она почитает науки и в особенности шесть научных областей: физику, химию, математику, астрономию, физиологию и социологию, соединяя в одно их жатвы и достижения, составляющие систему философии позитивизма. Такова специфика этой школы. Поэтому лица, придерживающиеся ее, являются учеными широко осведомленными в естествознании и, конечно, весьма отличаются от господ спиритуалистов, обладающих только силой поэтического воображения. Такой, как Литтре, является человеком, пропитавшимся учением позитивизма и потонувшим в нем. Он слышит за несравненного знатока и наиболее сильного популяризатора его теорий. Когда поразмыслишь об этом, то видишь, что эта школа, которая, казалось бы, должна опираться на истину, слишком цепляясь за явления, зачеркивает все, что не представлено простым и наглядным доводом и вообще не доказывается путем эксперимента. Сама являясь ограниченной, сама впад в скудоумие, она в своем убожестве премного клеветает на способность нашего духа и доходит до того, что умаляет его достоинства и ценность. Вот, где поистине непреодолимый порок этой школы!¹ Позитивисты — продолжает наш философ — не в состоянии ответить на вопросы об основных принципах бытия, они предоставляют безнадежным фантазерам и церквям отвечать на эти вопросы по-своему, ничуть не стесняясь своего положения ограниченных людей, регистрирующих факты, добытые „шестью науками“, — занятие, давно сделавшееся для них самоцелью.

Я, — говорит Накаэ, — придерживаюсь точки зрения, противоречащей основному смыслу учения позитивистов. И если они сводят основные принципы бытия к выводам астрономии, физики, химии, физиологии и т. п., то исчерпывающего ответа на эти вопросы от них ждать нельзя.

В настоящее время, — продолжает Накаэ, — в публике принято считать за истинное только то, что видит глаз и слышит ухо в научном эксперименте. Все ли может быть исследовано в опытах изыскателя? Нет, не может быть такого положения, чтобы, например, абстрагирующие способности человеческого ума, способности нашего духа были разложены на первоэлементы в лаборатории ученого экспериментатора.

Не может быть исследовано на основании узкого эксперимента также правильное положение о том, что вселенная (мир) не имеет границ. Между тем, обратное заявление, а именно, что вселенная имеет границы — является максимально неправильным, максимально иллюзорным представлением 限極が有る云へば變大怪大幻詭で有ると謂はねばならぬ.² Мир нельзя свести к одной какой-либо вещи, имеющей ограниченный объем, несмотря на то, что он обязательно обладает протяженностью. Звездное небо, атмосфера, солнечная система, а также другие солнечные системы, вероятно существующие, — все это совершенно не допускает доводов о том, что мир имеет границу. Разве можно утверждать, что мир имеет предел и научно исследовать его? Основания позитивистической школы в конечном итоге так же иллюзорны, как иллюзорны подобного рода допущения. Причиной этому является трусость, которой от природы наделены позитивисты, предоставляю-

¹ Там же, стр. 54.

² Там же, стр. 56.

шие решать все эти важнейшие вопросы не в области теории, а профанировать их в области необузданной фантазии.¹

Говорят также, — продолжает Накаэ, — что безграничный мир имеет какую-то первопричину. Если бы существовали сотни заманчивых взглядов, опирающихся, будто бы, на науку о том, что мир возник из ничего, то всем этим взглядам, вместе взятым, верить нельзя, как нельзя верить (надуманной) бессмыслице теологов. Часто рассуждают и так, что из небытия не может возникнуть бытие. Рассуждения первого рода неосновательны в такой же мере, как и рассуждения второго рода, по той причине, что мир вечен, не имеет начала и конца и никем не сотворен.

Мир не может также погибнуть или исчезнуть по той причине, что в его основе лежит не дух, а материя. „Нет логических положений, что субстанция **實質** должна исчезнуть. Она может перемзнить место, изменить форму, но чтобы она совершенно погибла, такого положения быть не может“ **實質が如何にするも消滅すべき道理が無い、場所を替へ、形を易ゆることは有つても純然消えて無となる道理が無い。**

То, о чем здесь говорится — продолжает Накаэ, — есть закон. Он² не изобретен человеком. Это — не закон, действующий только в пределах атмосфер толщиной в каких-нибудь 18 ри. Это — закон существования вселенной. И как только дело касается этого важного вопроса, то разве поведение и способ рассуждения позитивистов нельзя назвать непростительной трусостью? Повторяю, — говорит Накаэ, — что мир не имеет границ, не имеет творца или создателя в прошлом и сверхъестественного владыки над собой в настоящем.

Итак, мир обширен, беспределен, вечен и множественен. Хотя мир множественен, — говорит Накаэ, — но он является целокупностью некоторого количества элементов, составляющих его телесную природу. Количество этих элементов достигает числа 60 с лишним. Возможно — продолжает он, — что научное исследование будет развиваться, и это число элементов возрастет до 70, 80 или до 100. Возможно, что многие из них погибнут и их окажется потом 50 или 30, но факт таков, что некоторое количество вещественных элементов, взаимосочетающихся в известной пропорции, образуют форму и цвет тела А, и вновь отделяясь друг от друга, в новом взаимосочетании, в новой пропорции образуют форму тела Б. Все вещи постоянно подвергаются изменению и развитию **萬物變化と進化と**. Возможно, что солнце и земля отделятся друг от друга спустя сотни миллионов лет, но погибнуть до последней частицы они не могут, и возможно, что где-нибудь в новом месте они опять оформятся в какое-нибудь тело. Поэтому я говорю — продолжает Накаэ, — что субстанция совершенно не может исчезнуть. Накаэ утверждает, что взаимосоединение различных телесных элементов образует новые тела. Они оформляются в человека, травы и деревья, в нашу солнечную систему и т. д. и т. п. Человечество, живущее на земном шаре в атмосфере толщиной в 18 ри, подвержено вместе с тем всеобщим законам вселенной. Что же касается неразрушимости духа или души, то это является такой же химерой, как вечность существования отдельного тела и разрушимость и исчезновение вечной субстанции.

¹ Там же, стр. 57.

² Там же, стр. 53.

В вопросе об отношении мышления к бытию Накаэ Тёмин дает свое совершенно четкое определение, как он выражается, „субъективной и объективной точек зрения“.

„Субъективная точка зрения 主觀 [в философии] заключается в утверждении, что вещи и явления объективно не существуют, несмотря на то, что мы видим и слышим их или мыслим и судим о них. Они являются, будто бы, только созданием нашего духа, владывающего и определяющего наши идеи [понятия]. Мы сами существуем, будто бы, постольку, поскольку признаем себя существующими. Имеются теории, утверждающие, что мыслить — значит существовать. По мнению некоторых философов, пространство и время — даже эти вещи — являются субъективными категориями и в действительности не существуют“.

Накаэ считает сторонников подобного взгляда на мир порочными людьми и утверждает, что они наносят „славу человеческого духа“ такой же ущерб, какой наносят ему непосредственные служители церкви. „Субъективная точка зрения в философии“, как выражается Накаэ, не отличается в своих основаниях от бреда больного или нетрезвого человека. Все же и здесь есть различие. Больной или пьяный не навязывает этот свой бред в качестве руководства для других, в то время как субъективно-идеалистическая философия сознательно называет другим свою интерпретацию мира в качестве „незыблемого закона“. Субъективные идеалисты — разъясняет Накаэ — превращают собственные мысли в реальные вещи, т. е. порождают в своей голове себе подобных, а также животных и растения, и водворяют их в наш мир постольку и в такой мере, в какой они порождаются нашим разумом. Накаэ отказывается даже полемизировать со сторонниками этой „пьяной философии“.

Существует, — говорит Накаэ Тёмин, — „объективная точка зрения [в философии] 客觀.“ „Эта точка зрения, единственно правильная, заключается в том, что признает объективное и независимое от нашего сознания существование мира вещей“. „Что касается объективной точки зрения, то это есть теория о том, что вещи существуют реально и вне нас и их образы копируются нашим духом, о том, что в таких двух вещах, как наше я, пространство и время, действительно существует объективность, т. е. что эти две вещи существуют величественно и неумолимо“.¹ „Объективная точка зрения, — продолжает Накаэ, — не отбрасывает совершенно субъективную точку зрения в том смысле, что мы субъективно в каждом отдельном случае воспринимаем объективную действительность. Мы рассуждаем о молекулах света, теплоты и электричества, не видим их и, стало быть, не можем отразить в нашем сознании их формы. Тем не менее, молекулы реально существуют, что мы и знаем на основании научного анализа“.² Добрая половина наших понятий, — говорит далее

¹ 客觀とは、外間現其物が有て、其影象を吾人の精神に寫し來るので有る、吾に人の空間、時の二者に於ける、正に客觀的で有る、即ち此二者儼然存在して居るとの説で有る。 Там же, стр. 80.

² Там же, стр. 81.

Накаэ, — является созданием нашего разума. Однако это вовсе не значит, что эти понятия не соответствуют определенным реальным вещам, явлениям, связям и т. п. Многого мы еще не знаем, не исследовали и т. п., но это не значит, что предположение об их существовании недопустимо или не определено самими условиями нашего бытия как людей, обладающих активным сознанием. Напротив, сумасшедший человек галлюцинирует. У него перед глазами совершенно отчетливо плывут, движутся и действуют самые причудливые вещи. Однако это не значит, что эти вещи имеют объективное и реальное существование. Теологи проповедуют самостоятельное существование души и неразрушимость ее после физической смерти человека, существование духов и демонов, хотя в действительности все это не существует. Повторяю, — говорит Накаэ, — что есть понятия о вещах, являющиеся плодом нашей рефлексии. Но эти понятия, в конечном счете, также являются плодом объективного восприятия. Эти вещи действительно объективно существуют, но наш дух или отражает их вследствие того, что уже познал, или предполагает их и выводит их существование на основании бытия и связей между другими вещами и еще непосредственно не познал их 省知し得ない. Агностики и скептики ничего общего не имеют с реальным познанием объективной действительности. Что же касается идеалистов и проповедников религии, — продолжает Накаэ, — то они утверждают, что вещи существуют как творение бога, и их представление о мире является иллюзорным. Оно является глупостью и возбуждением.¹

Накаэ посвящает специальную главу рассмотрению „способности духа (сознания)“ 精神の能.

Сознание является деятельностью нашего организма и берет свое исходное начало в самом организме 精神即ち軀體の作用は、軀體より發し.² Сознание не замыкается, однако, пределами нашего существа. Оно „пронизывает атмосферу [толщиною] в 18 ри, уходит за пределы солнечной системы“, проникает в тайны вселенной. Возникая в нашем маленьком теле, оно неизменно развивается. Наше соображение, „строящее замки в небесах и теремы на дне морском“, равно как и строгие логические построения — все это характеризует могущество сознания. Мы в состоянии на склоне лет четко вспомнить то, что занимало нас в четырехлетнем возрасте. Вот, почему я утверждаю, — говорит Накаэ, — что „... процесс развития нашего сознания зависит от способности памяти. Наш повседневный опыт окончательно втискивается в хранилище интеллекта [мозга] и не стирается. Этот-то процесс является цепью образования представлений и понятий, получаемых благодаря изучению старого и познанию нового. Различие между мудрым и глупым человеком в значительной степени связано со степенью силы и совершенствования памяти. Кроме того, чувства, восприятие ощущений, поведение — все это есть виды раскрытия нашего духа“.³ „Способность нашего духа величественна; наше сознание в состоянии схватывать сущность беспредельного мира“.⁴ Наше сознание, — продолжает Накаэ, — есть свет драгоценнейшего брил-

¹ Там же, стр. 81.

² Там же, стр. 81.

³ Там же, стр. 70.

⁴ Там же, стр. 72.

лианта, зарождающегося в этом маленьком теле величиной всего в каких-нибудь пять сяку. Однако невежественные люди превращают этот свет в основную сущность мира, превращают его в господина человека, превращают тело последнего в раба, что является совершенной бессмыслицей¹. Накаэ выступал против идеалистического учения об индетерминизме и отстаивал принципы детерминизма.

В эволюции философских и политических взглядов Накаэ Тёмин рельефно обнаруживаются два периода. В первом периоде — приблизительно с середины 70-х и до середины 90-х гг. — весь комплекс воззрений философа отражал интересы, стремления и идейные запросы, если позволено будет выразиться, левого крыла японского буржуазного либерализма, интересы мелко-буржуазной интеллигенции, оскудевшей сразу же после своего появления на общественной арене. Либеральная буржуазия, и в первую очередь ее интеллигенция, относились в одних случаях настороженно, в других — резко отрицательно к блоку промышленной и финансовой буржуазии, помещичьей полуфеодалной аристократии и клановой военщины, образовавшемуся на монархическо-полицейской, военно-феодалной основе сразу же после революции 1867 г. Во время японо-китайской войны 1894—1895 г., когда началось осуществление далеко идущих агрессивных планов японского империализма, либеральная буржуазия действовала вместе с ним. От ее прежних деклараций борьбы с правительством и за „народные права, свободу и равенство“ не осталось и следа. Накаэ бичует теперь буржуазию как „подсобника 加功者“ „титulóванной и высочайше награжденной“ клики, развязавшей войну, „покрывшей страну величайшим позором, и оставшейся в непревзойденных дураках“. „Они (представители буржуазии, — Я. Р.) превратились в пособников, занимающих кресла в парламенте... От цивилизованных и сильных иностранцев они получили плевки и довольны и горды. Называют себя первойшей нацией, кричат и расписываются в качестве владыки союза Восточной Азии, размахивают мотыгами и завертывают акции (мечтая о концессиях, — Я. Р.); выпили сакэ, и занявшись своими цветниками, задремали. Спыхватились. Бросили взгляд по ту сторону моря, но дележ и рассечение Китая, имеющие важное историческое значение в мировой истории XX века, уже был закончен в три года...“. Накаэ преисполнялся ненавистью к классовому и политическому буржуазно-помещичьему блоку. Он пишет: „Только мы, народ, не думаем об этом. Поэтому кабинет, правительство знает только подчиняться его величеству тэнно, а о долге по отношению к нам, народу, оно забыло. Оно медлит и бездействует, преследуя собственные интересы. Оно исподтишка и с совершенным хладнокровием обворовывает народный кошелек“². Накаэ прямо говорит о стирании граней между буржуазными партиями, объединяемыми империалистическими целями. „Что касается крестьян и горожан, то в прежние времена их физически резали и расшвыривали. Теперь режут и расшвыривают их кошелек. Теперь народные права — дело устарелое! Народные права, грабеж народного кошелька, жадность и произвол государственных чиновников — это все уже старинка! Зато есть новое, свежее — захват мест в парламенте, взаимопокорность между политическими партиями. Для нынешних

¹ Там же, 72.

² Там же, приложение, стр. 36.

партийных деятелей народные права — старинка, а общественного мнения нет. Зато есть свежее — империализм! Все общественное мнение представляется мнением лиц, завладевших парламентскими местами. Нынешние партийные деятели грабят и обворовывают народный кошелёк, грабят и обворовывают общественное мнение".¹ Философ был полон возмущения против этого блока и его идеологической пропаганды.

На службу этому блоку его идеологи, во времена, предшествовавшие японо-китайской войне, поставили официальную школьную философию, пропаганду синтоистской мистики и конфуцианской этико-политической догматики, сдобренную всякого рода импортированными идеалистическими идеями и прежде всего спенсерианским позитивизмом. На Спенсера модались, им клялись. В университете существовала специальная „спенсерианская“ кафедра во главе с известным Тояма Масакадзу. Сочинения Спенсера „Представительное правительство“ и др. в течение ряда лет после 1876 г. являлись даже учебниками в университете. В своем учении о так называемых регулятивных системах Спенсер, как известно, отстаивал положение, что в организме наличествуют две регулятивные нервные системы — центральная и вегетативная. Вегетативная, учит он, независимо от центральной, регулирует деятельность органов исключительно важных для хозяйства организма. Английский читатель, таким образом, наводился на мысль, что поскольку вегетативная система играет исключительно важную роль, то и следует признать, что организмы, обладающие такой развитой системой, стоят неизмеримо выше организмов с развитой центральной системой и, стало быть, королевская центральная власть обязательно должна быть связана и ограничена парламентскими представителями торговых фирм, банков, посреднических организаций и т. п., т. е. как раз теми „органами“ буржуазного общества, которые в Японии еще домогались известной „демократизации“ и реформы органов правительственной власти, контролировавшихся старой феодально-аристократической бюрократией. Недаром будущий министр в кабинете Ито, граф Итагаки Тайсукэ, приехав в 1883 г. Лондон, специально отправился к Спенсеру, чтобы „ближе“, „интимнее 親しく (побеседовать и услышать его рассуждения о политике и науке“.² Спенсер пришел в восторг от рассказов графа об успехе его произведений в „стране богов“ и о множестве их переводов на японский язык. Доходило до того, что даже сам посол Мори препроводил в Японию главу сочинения Спенсера „Основания социологии“ с надписью и инструкциями автора, которую и опубликовали под названием „Сюкесинкарон“ („Теория эволюции религии“) и с предисловием Итагаки. Накаэ отвергал режим, который отстаивала империалистическая буржуазия, и вместе с ним ее идеологию — фальшивый синтоистско-конфуцианско-спенсерианский синкретизм. После японо-китайской войны, в противовес усиленной буржуазной шумной пропаганде националистической мистики, ускорился окончательный переход Накаэ на противоположные — материалистические позиции. Философ искал не только идейных связей со всем прогрессивным в стране, но, как свидетельствуют факты, и личных связей с видными деятелями революционного движения, за развитием которого он внимательно следил.

¹ Там же, стр. 41.

² Мотодаэ Дзюнкити. Изучение общественных идей времени мейдзи. 下出集吉, 明治社會思想研究, Токио, 1932 г., стр. 42.

Изучение воззрений таких философов прошлого, как Андо Сёэки, Накаэ Тёмин и ряда других мыслителей материалистов прошлого, является благородной задачей прогрессивных японских историков.

Лучшие люди в Японии глубоко верят, что наступит время, когда реакция, всячески поддерживаемая и поощряемая американскими хозяевами империализма, возглавляющими борьбу монархически-черносотенных сил в Японии, безусловно падет. Прогрессивный демократический лагерь в Японии борется против этой реакции, против темных сил, уродующих сознание масс мифами об обреченности всего народа на верноподданническое рабство. Лучшие люди борются с „японизмом“ — этой идеологией японского империализма.

Борьбу за освобождение народа возглавляет японская коммунистическая партия. Она объединяет в этой борьбе против своей, японской буржуазно-помещичьей монархии, а также против американских оккупантов-насилльников самые передовые силы японских трудящихся.
